

К этой теме примыкает традиционный фольклорный символ смерти — черный ворон:

Может, бледный труп прикроет
Черный вран крылом,
Иль могилу мне изроет
Верный друг мечом
[Глинка 1957, 130].

Традиционный образ подчеркивает трагизм и лиризм ситуации.

Герои стихотворений Ф. Н. Глинки об Отечественной войне 1812 года несут в себе глубинную связь с поэтическими характерами русского фольклора, которым была свойственна коллективность мышления, поведения, поступков. В поэтике образов у Ф. Н. Глинки прослеживается связь с такими фольклорными жанрами, как историческая песня, былина и сказка.

Литература

Аникин 1964 — Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М., 1964.

Антология — Антология русской поэзии // URL: <http://www.stihi-rus.ru> (дата обращения: 17.02.12).

Былины 1988 — Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1988.

Глинка 1949 — Глинка Ф. Н. Избранное. Петрозаводск, 1949.

Глинка 1957 — Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957.

Исторические песни 1986 — Исторические песни. Баллады / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986.

Карпец 1986 — Карпец В. И. «И мне равны и миг, и век...» // Глинка Ф. Н. Сочинения. М., 1986. С. 309 — 329.

Кожин 1978 — Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. М., 1978.

Фигнер — Фигнер Александр Самойлович // URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 17.02.12).

Summary. The article opens the folk traditions of F. Glinka's poetry about the Patriotic War of 1812. The article demonstrates the profound relation between the heroes of F. Glinka's poetry and the characters of Russian folklore.

Key words: F. Glinka, the Patriotic War of 1812, folklore, song, bylina.

Д. В. АБАШЕВА
(Чебоксары)

«ВСЯКИЙ МОЛОДЕЦ НА СВОЙ ОБРАЗЕЦ»: ГЕРОЙ ВОЙНЫ 1812 года Д. ДАВЫДОВ В ПОЭЗИИ Н. ЯЗЫКОВА

Аннотация. В статье рассмотрены поэтический диалог и реальные взаимоотношения поэтов пушкинской эпохи, а также интерпретация образа воина-героя 1812 года — Д. Давыдова — в поэзии Н. Языкова в контексте фольклорной традиции.

Ключевые слова: фольклоризм, поэтика героического, поэзия, Н. Языков, Д. Давыдов, тема войны, молодечество.

Мотив молодчества в лирике Н. Языкова занимает особенно видное место. Пафос молодчества был замечен в лирическом герое Языкова многими исследователями. Современники поэта видели удалство его лирического героя. Воспевание удалства и молодчества стало основным пафосом ряда лирических произведений Н. Языкова, и не только в ранней лирике. В более поздних стихах он по-новому, но всё же обращался к этому мотиву. В понимании молодчества поэт шел от русского национального сознания. В этом мотиве с наибольшей силой воплотилось то понятие «русскости», которое волновало многих лириков той поры. На волне интереса к национальной самобытности постижение национального характера у Н. Языкова выразилось именно в этом мотиве.

Представление о молодце в русском национальном сознании отразилось в пословицах, поговорках. «Молодец — видный, статный, ловкий человек; расторопный, толковый, сметливый, удалой. Молодец в сказках и песнях — хват, удалец», — объясняет значение этого понятия современник Н. Языкова В. Даль. И далее: «Молодчество ср. удаль, удалство, отвага особенно из похвальбы». Молодчество и удалство в национальном сознании — понятия-синонимы, так же они воспринимаются и

Языковым. В. Даль приводит и ряд пословиц, характеризующих это явление: «Знать птицу по перьям, а молодца по речам. Знать сокола по полету, а добра молодца по походке (по выступке). Всякий молодец на свой образец. <...> Из одного молодчества на штык лезет, от избытка удали. <...> Молодествовать, храбриться, высказывать молодчество и удаль, хвалиться удалством на деле, пускаться в отвагу на славу» [Даль 1989, 332]. Как видим, молодчество в народном сознании проявляется и во внешности (по походке), и «по речам», и «на деле». Это состояние охватывает всего человека в его внешних проявлениях и внутренних порывах. Таковы и молодцы Н. Языкова, часто таков и его лирический герой.

Воплощением молодчества для Н. Языкова были немногие современники. К таковым он относил Д. Давыдова — героя войны 1812 года, дружбой и вниманием которого гордился. Используя модель исторической песни и былины, поэт создает, с одной стороны, конкретно-исторический образ воина-современника, а с другой — обобщенное отражение героизма и удалства. Особенности историзма фольклорного повествования проявляются в стихах, посвященных Д. Давыдову («Давным-давно люблю я страстно...» (17 апреля 1832 г.), «Жизни баловень счастливый...» (август 1835 г.). Поэт-гусар и поэт-студент чувствовали родство душ: Д. Давыдов часто просил Н. Языкова написать свое мнение о его стихах: «Скажите мне ваше мнение по-гусарски или по-студентски, это всё равно, ибо и там, и там душой — вино и откровенность» [Давыдов 1884, 137]. Языков также видел это общее.

Д. Давыдов признавал преимущество Н. Языкова как поэта, шутливо называл его своим «Парнасским отцом и командиром» [Там же, 135] и «душевым моим поэтом»: «Я говорю душевного и моего (курсив Д. Давыдова. — Д. А.) не без основания. Никто более вас, любезнейший по уму и почтеннейший по возвышенным чувствам Николай Михайлович, не имеет дара волновать мою душу и владычествовать над нею своевольно, деспотически. Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы

мой нравственный отец и командир, один стих ваш — и я в огне боев, весело и безотчетно. В обеих последних войнах стихи ваши (Песнь короля Регнера, подаренная мне в Персии Н. Киселевым) возилась мною за пазухой как волшебная ладанка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе <...>. Поэтический лоскут этот, замаранный грязью биваков и окуранный сожженным порохом, и поныне у меня хранится; после этого как же мне не называть вас *душевым моим поэтом*? <...> я пустился отвечать вам стихами — но, признаюсь, оробел; рука дрогнула — как писать этакому черту в поэзии стихами! Один Асмодей-Пушкин имеет на это право» [Там же, 134].

Стихи Н. Языкова, по мнению Д. Давыдова, порождают стремление к молодчеству, «жажду к битве и славе». Это живое свидетельство раскрывает настроение, царившее в поэтической душе воина: стремление и среди далеко не поэтической обстановки, «замаранных грязью биваков» «возвышать душу». Психологическое сближение Д. Давыдова и Н. Языкова исследователи объясняли «романтическим мироощущением» и довольно близким соседством их имений [Вацура 1984, 40], что не вызывает сомнений. Однако в контексте фольклоризма кажется недостаточным восхищение молодчеством, удалью русского характера, его «забубенностью», свойственной и поэту-партизану, и поэту-студенту.

Эта молодецкая удаль, пронизывающая стихи Н. Языкова, особенно привлекала к нему Д. Давыдова. Послания Н. Языкова Д. Давыдов очень ценил. «Можете ли вы думать, чтобы я воспротивился напечатанию оногo? — отвечал он другу на просьбу о разрешении напечатать послание. — Кто противится бессмертию? А вы меня к нему несете как в поднебесную орел — голубя — мощно и торжественно. Что за стихи! Что за прелесть! Впрочем, что же не прелесть из произведений ваших; Вы меня так этим расшевелили, что я было принялся писать вам стихи же, измарал около десяти бумаг и стал в пень от совести платить медью за золото...» [Давыдов 1884, 146].

Впервые И. М. Семенко, в противовес устоявшемуся мнению, указала на то, что «Давыдов и Языков — в этом их оригинальность — рисуют не общеромантический тип “исключительной личности”, а “национальный характер”, овеянный романтикой удали и сильных страстей. Языков делал это осознанно и упорно. Все свойства “натуры” подаются в его стихах как свойства русского национального характера. Отсюда — фольклорный колорит языковского “героя”, своего рода “добрého молодца» [Семенко 1970, 188]. Это реальное воплощение русской натуры Н. Языков видел в Д. Давыдове, который склонность к удалству, потехе превозносил столь же часто. Фолькоризация лирического героя обоих поэтов происходит через поэтизацию одной из любимых народом и прославляемых в фольклоре черт национального характера. Эту черту Н. Языков часто отмечал и в других адресатах своих посланий («П. И. Шепелеву», «Вульфю» и т. д.).

Д. Давыдов в обрисовке Н. Языкова походит на удалых добрых молодцев: в «годины роковые» Россия видит его «на коне в кровавом зареве пожаров, / В дыму и прахе боевом, / Отваге пламенных гусаров. / Живым примером и вождем» [Языков 1964, 331—332]. Стихи его — «создания вольные», «могучи, бурно-удалыя», а сам он «певец лихой и сладкогласный». И именно этот дух молодчества, удали Д. Давыдова вдохновляет и лирического героя. Доблестные подвиги поэта-гусара сродни подвигам былинных богатырей:

Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
[Там же, 332]

В другом послании «Д. В. Давыдову (Жизни баловень счастливый...)», как в сказке богатырской, герой получает свои незаурядные богатырские способности, свои удал и молодчество:

Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил;
Не ошибся он в дитяти,
Вырос ты и — полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд и радостен и смел
[Там же, 337].

Герой «удатный, удатливый; удачный, удалой. <...> Он за что ни возьмется, ему все удастся. А я за что ни возьмусь, на всем оборвусь! <...> Удача, успех, поспешение в чем-либо, счастье, талант, желанный случай, исход дела» [Даль 1991, 471]. Вот так удачлив и доблестный гусар:

Грудь твоя горит звездами.
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытный
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна
[Языков 1964, 337—338].

Неологизмы Языкова созданы под воздействием двойных названий, сложных слов фольклорной поэтики: звучнокопытный, бурно-величавый, многогромная, разрушительно-грозна; они вносят в повествование нечто индивидуальное, языковское, и одновременно — традиционно-народное. Индивидуальный стиль поэта не разрушает русскости его национального сознания, а, напротив, подчеркивает его. «Удача, успех, счастье, талант» сопутствуют Д. Давыдову, как русскому мужику, который «наудачу, на авось, на счастье, наобум, на мах живет <...> Наудачу мужик и хлеб сеет». Но герои Языкова не просто удачливы, а удатны. Слова одного словарного гнезда, но Даль подчеркивает разницу: «удачное дело может быть и случайное, наудачу, на авось, а удатное требует сметки... Удадь ж. Удальство ср. Удатность, смелость, решительность, отвага, отважность, отчаянная храбрость при сметливости, находчивости; удачная отвага; молодчество. Удадь города бе-

рет. Казаки гарцуют, удалство кажут. Не без удали и в нашем полку» [Даль 1991, 471]. Давыдов не просто удалец, действующий по воле счастливого случая, а молодец удатный, побеждающий своей сметкой, умом:

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх неожиданного удара
И нещадный, дикий бой!
[Языков 1964, 339]

В былинно-песенных традициях изображены и враги:

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися еле живы
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!
[Там же, 338—339]

Образ битвы-пира, любимый и фольклором, и древней русской литературой, ощущается в описании поражения французов, которые нигде прямо не называются, но читатель понимает, что «упилися в московских теремах» и «безобразно полегли на холодных пустырях» именно они. Языковая патетика, сливаясь с живой речью народной, позволяет Н. Языкову создать одновременно возвышенное и доступно-народное повествование. В образе Д. Давыдова воплотились собирательные черты русского воинства, противостоящего также традиционно очерченному врагу:

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!
[Там же]

Обобщенно-собирательные моменты Н. Языков умело сочетал с деталями реалистического облика поэта-партизана. Эти детали позволяли современникам узнать именно Д. Давыдова в мифологизированном описании бравого молодца — защитника земли русской. Общеизвестно, что сам Д. Давыдов отмыл уже было покрашенный белый локон, чтобы полностью соответствовать описанию Н. Языкова. В данном случае мы видим влияние литературной мифологии на реального человека. Национальный русский характер воплощен в стихотворении в образе не только Д. Давыдова, но и всего его воинства, самого лирического героя, восхищающегося героическими страницами и русской истории, и славными богатырями-современниками:

Чу! Труба продребезжала!
Русь! Тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!
[Там же]

Н. Языков обращением к героическому прошлому Руси, ее богатырям-воинству проводит параллель с современностью, указывает на источник вдохновения для защитников русской земли. Этот параллелизм традиционен и для русской воинской повести, и для народной песни. Искать нравственную опору в прежних свершениях предков, защитников Руси, свойственно национальному сознанию русского человека. Когда же связь поколений прерывается, наступает безвременье — глухая пора для русского человека и для развития страны, — появляются стихотворцы М. Ю. Лермонтова. Стихотворение Н. Языкова написано за два года до выхода в свет произведения М. Ю. Лермонтова «Бородино», но это — стихотворение-воспоминание о настроениях и чувствах современников 1812 года:

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!

Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!
[Языков 1964, 338]

Н. Языков также почувствовал необходимость, как несколько позже М. Ю. Лермонтов, обратиться к славным, хотя и трагическим для русских людей страницам недавней истории. Извечная уверенность народа в его неистребимости выразилась у Н. Языкова патетическим стихом и слогом («жертвенник спасенья», «пламень очищенья», «фениксов костер») в совокупности с разговорной интонацией («лют пожар», «крепче... отпор», «пожар ревет»). В лирическом сознании поэта жила народная вера в невозможность гибели русской земли, ее он и выразил, рисуя «фениксов костер» пожара Москвы — символа России для Н. Языкова. Так в посланиях к Д. Давыдову слились главные мотивы поэзии Н. Языкова, выразилось его русское чувство, проявление которого П. Вяземский считал проявлением народности, а В. Г. Белинский — искусственным подделыванием под народность. Нам же, исходя из конкретного анализа художественных текстов, представляется правым П. Вяземский.

Языков действительно чувствовал фольклор на уровне самосознания. Его обращение к фольклорным образам, лексике, мотивам не было искусственно-надуманным, а исходило из внутреннего, соединяющего его с народным сознанием чувства.

Д. Давыдов, «жизни баловень счастливый», заслужил два венка — венок героя-воина и венок поэта. Поэтическое родство с собой видит Н. Языков и в стихах Д. Давыдова. Их характеристика дает представление о том, что же ценит в поэзии Н. Языков:

... многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно удалой.
Ныне ты на лоне мира:

И любовь и тишину
Нам поет золотая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад
[Там же, 339].

Экспрессия, энергия молодчества звучит и в лексике, и в стихе «могучем», «живом», «кипучем», «летучем», «удалом», «громогласном», «свежем», «ясном», «прекрасном». Обилие эпитетов, их перечисление на одном дыхании сообщает и стиху Языкова те качества, которые он ценит в лирике Д. Давыдова. Однако поэт воспринял из народных представлений о молодчестве и еще одну особенность, не отмеченную исследователями: народ хорошо представляет себе, что состояние молодчества исключительное, быстротечное, преходящее, временное: «Не долго помолодцуешь. Всех молодцов не перемолодцуешь».

Н. Языков так тонко воспринимал национальные особенности русского человека, что очень точно уловил эту грань перехода и сумел отразить ее в своем лирическом герое. Переходы его настроений от удачи к печальному размышлению о быстротечности состояния молодчества и удачи сродни разным граням народной лирики, в которой сочетается «то раздолье удалое, то сердечная тоска». Н. Языков, как и А. С. Пушкин и другие его современники, через мотив молодчества и удачи раскрывает особенности мятежной души русского человека вообще, и своего лирического героя в частности. Лирический герой Языкова — вершинное воплощение этой русскости: образованный русский человек, не утративший своей связи с русским национальным сознанием, а, напротив, осознанно культивирующий эту связь и переключку:

Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, и мне пора
Познать себя, вкусить добра
Небуйных, трезвых наслаждений!
Мой друг! Поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной мирной долей,

С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..
Вот так-то мы остепенелись!
А. Н. Вульф, 15 мая 1833 г. [Языков
1964, 334]

Удалого доброго молодца в русских былинах часто просит остепениться мать. 1830-е годы для Н. Языкова — это время, когда прошла пора молодчества показного, пришло время «остепениться». Исследователи отмечали резкий перелом в сознании Н. Языкова, говорили о двух разных Языковых или даже о том, что идеалы молодости, вольнолюбия и свободы были преданы поэтом. На наш взгляд, это не так. Н. Языков мыслил категориями народного сознания, и его переход к иным настроениям и темам был не что иное, как этап взросления, пора остепениться, то есть «сделаться степенным, заставить быть покойным и рассудительным, отклонить от ветреных, опрометчивых привычек молодости. <...> И старость-то не остепенила его! Горе остепеняет. Остепенился: в кабаке жить переселился. <...> Остепенись, повеса, пора за ум взяться» [Даль 1989, 704].

Вот так-то мы остепенелись!
Но сладко вспомнить нам подчас
Почтенный град, где мы учились,
Где мы привольно веселились,
Где мы любили в первый раз...

Храни стихи мои, как я
Храню фуражку удалую
С моей студентской головы
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, увя!..
Когда-то милой мне, когда-то

На вешнем воздухе полей
В тени ракитовых ветвей...
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!
15 мая 1833 г. А. П. Вульф [Языков
1964, 334]

Д. Давыдов ощутил своеобразие лирики Н. Языкова: «Вы, может быть, думаете, что ничего не значит быть Вами, именно Вами воспетым? А я думаю,

что много значит быть прославленным гордой и независимой лирою *первого самобытного поэта нашего* (выделено Д. Давыдовым. — Д. А.), никого не воспевающего наперекор сердца и совести» [Давыдов 1884, 146].

Вот эта самобытность Н. Языкова была прежде всего связана с проявлением в его творчестве национальных особенностей русского народного характера, отразившихся в своеобразном использовании фольклорных образов и мотивов, и в первую очередь мотива удалы и молодчества.

В лирике Н. Языкова мы найдем все оттенки удалства, имеющиеся в русском национальном сознании. Не осталось без внимания и «кабачное» удалство, буйство. «Сколько удалства, столько и дурости» [Даль 1989, 471]. Удалство студенческих пирушек, удалы понизовая, вольница ушкунников, разбойников нашли отражение в стихах с этой тематикой. Героический же пафос его стихов всегда был связан с прославлением таких удалцов, как Д. Давыдов, готовых на «смертную борьбу» с призывом «Русь, вперед!».

Литература

Вацура 1984 — Вацура В. Э. Денис Давыдов — поэт // Денис Давыдов. Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацура. Л., 1984. С. 5—48.

Давыдов 1884 — Письма Д. В. Давыдова к А. М. и Н. М. Языковым // Русская старина. СПб., 1884. Т. XLIII. С. 137—148.

Даль 1989 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989. Т. 2.

Даль 1991 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1991. Т. 4.

Языков 1964 — Языков Н. М. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л., 1964.

Summary. *The article deals with the poetic dialogue and real life relationships between great poets of the Pushkin era, as well as the interpretation of the type of 1812 warrior-hero — D. Davydov — in the N. Yazykov's poetry in the context of folk tradition.*

Key words: *folklorism, poetics of the heroic, poetry, N. Yazykov and D. Davydov, war theme, boldness.*